

Нет автора

Литературное наследство

Выпуск 7-8

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Н57

Н57 **Нет автора**
Литературное наследство: Выпуск 7-8 / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2021. – 476 с.

ISBN 978-5-458-53167-2

"Литературное наследство" – старейшее российское издание, посвящённое истории отечественной литературы. Первый выпуск "Литературного наследства" появился в конце 1931 года. За 80 лет "Литературное наследство" извлекло из архивно-забытья и осуществило первые научные публикации многих тысяч незаслуженно забытых художественных, эпистолярных, мемуарных и других произведений А.С.Пушкина, М.Ю.Лермонтова, Л.Н.Толстого, И.С.Тургенева, Ф.М. Достоевского, Ф.И.Тютчева, А.Н.Островского, А.П.Чехова, И.А.Бунина и их современников.

ISBN 978-5-458-53167-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

тимизм буржуазного мира, вселяя сомнение в вечном господстве существующего порядка, — хотя бы автор и не предлагал при этом никакого определенного решения и даже иной раз не становился явно на чью-либо сторону. Ваше прекрасное знание как австрийского крестьянства, так и венского «общества» и удивительная свежесть изображения того и другого найдет здесь для себя неисчерпаемый материал. А в «Стефане» Вы доказали, что умеете относиться к своим героям и с той тонкой иронией, которая свидетельствует о власти писателя над своим творением.

Но спешу кончить, чтобы не слишком Вам наскучить. У нас все по-старому. Карл [Каутский] с женой изучают физиологию на вечерних курсах Эвелинга и вообще прилежно работают; я тоже весь ушел в работу; Ленхен, Пумс и ее муж идут сегодня вечером в театр смотреть сенсационную пьесу, а тем временем старая Европа снова собирается притти в движение, — да и пора. Хочу только надеяться, что она даст мне закончить третий том «Капитала», а там — в добрый час.

С сердечным дружеским приветом и искренним уважением

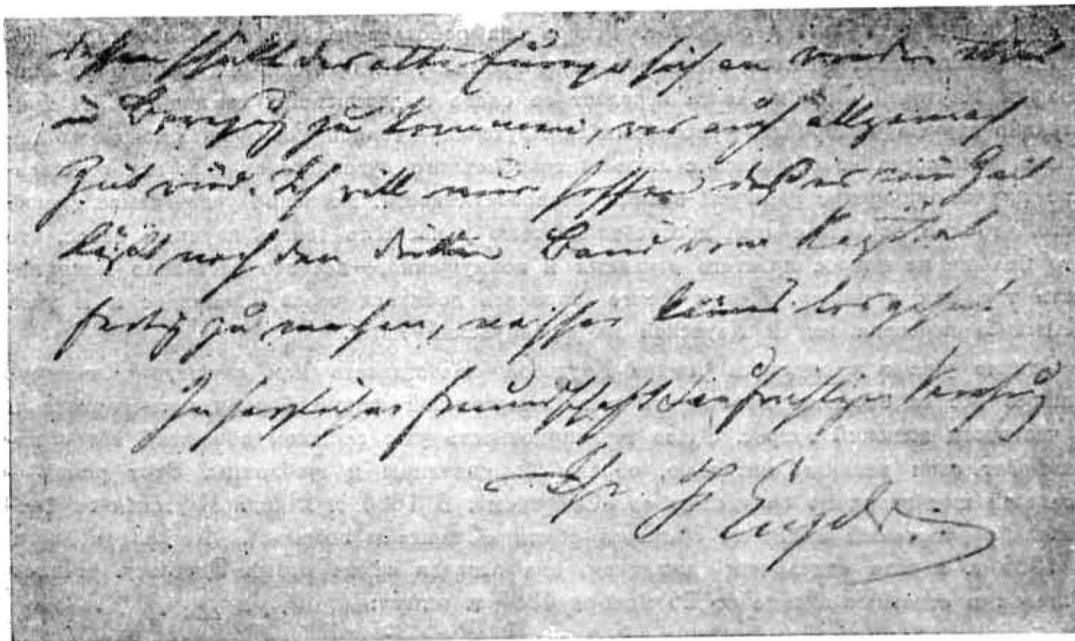
Ваш Ф. Энгельс.

ЭНГЕЛЬС О ТЕНДЕНЦИОЗНОСТИ И ДРУГИХ ВОПРОСАХ МАРКСИСТСКОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Публикуемое здесь впервые письмо Энгельса от 26 ноября 1885 г. к Минне Каутской, матери Карла Каутского, ставит и разрешает на конкретном анализе художественных произведений ряд важнейших вопросов марксистского литературоведения: проблему тенденциозности и партийности в литературе, изображения личности и коллектива, правдивой и идеализирующей трактовки действительности и т. д. Эти темы затрагиваются и в других литературоведческих высказываниях Энгельса, но в настоящем письме они получают исключительно четкую формулировку и развивают взгляды Маркса и Энгельса на литературу и искусство, изложенные в других их работах. Настоящее письмо, хотя в нем разбирается художественное произведение (пролетарского писателя и хотя оно относится к 80-м годам и исходит из задач, стоявших в то время перед литературой пролетарской партии, — имеет чрезвычайно актуальное значение и для нашего времени. Энгельс, стесненный рамками частного письма, вынужден давать краткие формулировки, но каждое его указание и даже намек в этом письме приобретают большую важность, если увидеть все скрывающиеся за ними проблемы. Чтобы понять их до конца, прежде всего необходимо хотя бы вкратце ознакомиться с творчеством Минны Каутской в разбираемом Энгельсом романе и уж затем перейти к общим принципиальным проблемам, затронутым в письме, и связать их с теоретическими и политическими вопросами марксистско-ленинского литературоведения.

I

Минна Каутская (1835—1912) была одной из самых плодотворных и популярных писательниц старой германской и австрийской социал-демократии. Она, как выражается Меринг, принадлежала к «старой гвардии» сотрудников «Neue Zeit». Действительно, в 80-х годах она писала в теоретическом органе партии на самые разнообразные темы (иногда под псевдонимом Вильгельм Винер): о спиритизме, защите птиц, немецком театре нового времени, выставке картин Василия Верещагина; помещала критические статьи и рецензии (о Ф. Геббеле, Алекс. Килланде), а в литературном отделе журнала опубликовала ряд новелл. Особенно деятельное участие принимала она в беллетристических отделах партийных газет и в популярных журналах германской и австрийской социал-демократии. Большие ее новеллы и романы выходили и отдельными книгами¹.

ПОСЛЕДНЯЯ СТРАНИЦА ПИСЬМА ЭНГЕЛЬСА К МИННЕ КАУТСКОЙ ОТ 26 НОЯБРЯ 1885 г.
Институт Маркса-Энгельса-Ленина, Москва

Минна Каутская вращалась долгое время в аристократически-буржуазной среде. Она была дочерью декоратора Антона Яйша в Граце, переселившегося в 1845 г. в Прагу. Призванием ее была сцена, но отец был против этого, и она вынуждена была ограничиваться участием в любительских спектаклях. Выйдя в 1854 г. замуж за художника Иоганна Каутского, она поступила в театр в Ольмюце и выступала в Праге, Зондсгаузене и Берлине. В 1862 г. она из-за болезни легких оставила сцену: в 1863 г. ее муж получил приглашение в Вену, и Минна Каутская переехала в Вену, где и прожила до 1900 г. Около этого времени она начинает интересоваться литературой, занимается общественными вопросами и примыкает к социалистическому движению. Первый ее роман, затрагивающий социальные проблемы, — «Стефан фон Грилленгоф»². «Стефан» наиболее революционный ее роман, содержащий реалистическую характеристику крестьянства, его быта, жизни и борьбы.

Этот роман Минна Каутская повидимому послала Марксу и Энгельсу через молодого Карла Каутского, бывавшего в 1881 г. в Лондоне. О том, как они отнеслись к роману, свидетельствует настоящее письмо Энгельса, а также записка Маркса к Минне Каутской от 3 октября 1881 г., с которой он послал ей рекомендательное письмо к своей дочери Женни Лонге в Париже. Маркс пишет: «Ваш сын верно передал Вам, что вся моя семья восхищается Вашими произведениями». Некоторую роль в этой оценке сыграла конечно обычная вежливость, но тем не менее нельзя не признать, что в ту эпоху «Стефан» действительно имел большое значение для пропаганды социалистических идей. После того как Минна Каутская побывала у дочери Маркса в Аржантейле под Парижем, Женни Маркс-Лонге в письме от 4 октября 1881 г. к своему мужу, Шарлю Лонге, сообщает ряд интересных сведений о жизни и деятельности Каутской. Вот несколько выдержек из этого письма: «У меня была г-жа Каутская, автор одного из замечательнейших, по мнению папы, современных романов — «Стефан фон Грилленгоф», романа, действительно проникнутого новым мировоззрением с его великими социальными чаяниями. Эта дама писала папе, чтобы узнать о нашем адресе, и была очень разочарована, не застав тебя. Она приехала в Париж из своего спокойного немецкого домика, нарушив привычный уклад своей жизни. В ней нет ничего от femme de lettres. Она надеется встретиться здесь с людьми, которые пожелали бы ознакомить французскую публику с ее сочинениями (она только что опубликовала вторую книгу)... Ее вторая книга посвящена вопросу

о положении женщины в обществе. Теперь она работает над романом, в котором хочет показать необходимость атеизма в наше время...». И, приведя ряд данных из биографии Каутской, Женни Лонге передает ее слова о дальнейших ее планах: «Я пристально изучаю Фейербаха,— рассказывала Каутская,— толчок моему развитию был дан извне, я никогда не общалась с людьми современного духовного склада; мое собственное жгучее ощущение царищей в мире несправедливости, медленно усваиваемое знание того, что для борьбы с этой несправедливостью у нас есть теперь научный базис, что это больше не вопрос простого отчаяния и возмущения,— все это заставило меня писать так, как я пишу». Женни Лонге старалась добиться через Талландье и Жоржа Клемансо перевода вещей Каутской на французский язык.

Однако уже в следующем романе Каутской «Властвовать или служить»³ обнаружилось все ее бессилие изобразить в художественной форме борьбу пролетариата и в частности женский вопрос. Здесь тенденциозность уже слишком обнажена, автор навязывает свои взгляды читателю, образы безжизненны и шаблонны. Этот роман — большой шаг назад по сравнению со «Стефаном». В 1884 г. Минна Каутская опубликовала разбираемый в письме Энгельса роман «Старые и новые»⁴. Когда эта книга в 1885 г. вышла отдельным изданием, она послала ее на отзыв Энгельсу. И вот Энгельс в ответном письме от 26 ноября 1885 г. пишет:

«Старые и новые», — за которые Вам сердечно благодарен, — я прочел. Жизнь рабочих соляных копей описана так же мастерски, как и жизнь крестьян в «Стефане». Картины венского общества большей частью тоже очень хороши... Не развивается ли мотивировка действия в этой части Вашего произведения местами несколько поспешно, — Вам судить легче, чем мне. Многое, что производит на нашего брата такое впечатление, в Вене с ее своеобразно интернациональным характером, насыщенным южными и восточноевропейскими элементами, является вполне естественным. Характеры той и другой среды обрисованы с обычной для Вас четкостью индивидуализации. Каждое лицо — тип, но вместе с тем и вполне определенная личность, — «э т о т», как сказал бы старик Гегель. Так оно и должно быть».

Действительно лучшими частями романа являются главы о жизни австрийских рабочих соляных копей, живущих под гнетом эксплуатации предпринимателей и моральным давлением церкви, под вечной угрозой увольнения за каждое слово протеста или за «дерзость», проявившуюся в чтении газет или книг. В реалистических тонах выдержаны картины обыденной жизни рабочего поселка. Каждый из изображенных рабочих — индивидуум и вместе с тем тип, как пишет Энгельс; это — не образы-схемы, а люди, различные по темпераменту, воспитанию и условиям жизни. Вот старый рабочий Михель, всегда слепо уповающий на бога, никогда ничему не сопротивляющийся, безнадежно-беспомощный и принимающий все так, как оно есть. Вот дровосек Францель, верующий в возмездие на том свете и ищущий успокоения в этой «справедливости». Вот чахоточный Фридер со впалой грудью и ненавистью к эксплуататорам, Фридер, осмеливающийся мыслить, жаждущий справедливости и отомщения здесь на земле, читающий газеты и книги, сознающий классовые корни социального вопроса и этим отпугивающий от себя боязливых неразвитых рабочих. Вот классовосознательный передовой рабочий Георг, знакомый со всей «запрещенной» литературой. Словом, перед нами картина коллектива рабочих с отчетливо очерченными индивидуальностями на различных ступенях классового сознания в ранний период рабочего движения. Так же индивидуализированно очерчены и типы дворянско-помещичьей среды (граф Фалькенау и его родственники), и представитель буржуазного либерализма (барон Рейнталь). Но тем не менее и этот роман — не произведение пролетарского писателя. Для Минны Каутской борьба «старых» и «новых» — не проявление борьбы классов, а лишь борьба «двух принципов» — веры и атеизма. К старым относятся все те, кто разделяет мрачный аскетический взгляд на жизнь и верит в лучший, потусторонний мир, — это фаталисты, безропотно ожидающие смерти. Это — огромная масса трудящегося люда, стонущего под двойным гнетом материальной эксплуатации помещиков и фабрикантов и боязни вечных мук, которую старается вселить в них

церковь. Все эти «старые» живут безрадостно, они не знают наслаждений жизни. К ним же автор причисляет и всех своих действующих лиц, эгоистически уверенных в том, что они одни имеют право на счастье, одни могут пользоваться житейскими благами. Таковы например либерально-буржуазный барон Рейнталь или «свободомыслящая» дочь графа Фалькенау Елена, а также консерваторы-помещики.

Всем этим представителям принципа «старого» — феодальным графам-помещикам, буржуазно-либеральным дельцам и опрошенной массе трудящихся — противостоят представители принципа «нового», проповедующие вместо эгоизма действительную любовь к ближнему, вместо веры в потусторонний мир — веру в мощь науки, в лучшее будущее человечества, вместо мрачного пессимизма — убеждение в собственных силах, любовь к природе, радость жизни. «Но «старых» перевоспитывает в «новых» отнюдь не пролетарское мировоззрение, а «прогресс науки» и фейербаховский атеизм. Эта тенденция — замена пролетарского мировоззрения общим, расплывчатым понятием о необходимости атеизма и вечном «прогрессе науки» — проходит через все творчество Минны Каутской. «В XIX веке, — пишет она в одной критической статье, — современная наука сделалась движущей, формирующей силой... и таким образом наука, хотя это и не было в ее видах и интересах, вызвала эпоху величайшего капиталистического подъема, эпоху индустриализма и индивидуализма»⁶. А в дальнейшем, по мнению Каутской, та же наука приведет к победе «нового принципа» — жизнерадостного, жизнеутверждающего мировоззрения. Не связывая борьбу за это новое мировоззрение с активной борьбой рабочих за свое освобождение, она выводит «новый принцип» из имманентного «прогресса науки». Борьба между «старыми» и «новыми» в ее романе превращается в борьбу двух абстрактных, схематических принципов». При этом Каутская прекрасно знает «старый» мир и реалистически рисует картины из жизни и быта отсталых рабочих, либеральной буржуазии и высших кругов австрийской аристократии. «Новый» же мир ей незнаком, и поэтому ее характеристика «нового принципа» страдает расплывчатостью и неясностью. Его носители — напыщенные, безжизненные, схематические фигуры. Вместо конкретного показа внешних обстоятельств и классовой обусловленности, приведших действующих лиц «нового принципа» к «новому мировоззрению», она дает нам в качестве «рычагов» их развития природу и науку и превращает их борьбу за это новое в тенденциозную декламацию. Главные представители «нового» — дочь свободомыслящего философа Барра Эльзы и незаконнорожденный сын багона Рейнтала Арнольд — даны как «воплощения принципа», как готовые схемы идеальных новых людей, стоящих вне общества. Эльзу мы встречаем уже подготовленной к восприятию «нового» воспитанием, данным ей отцом-философом вдали от общества, на одиноком островке. Автор представляет ее нам как «светлую девичью фигурку, в коротком, падающем складками одеянии, которое окутывает ее, как греческий хитон, и перехвачено только поясом... О потустороннем мире она ничего не знала... Совершение природы, на которую ей открыл глаза отец, окрашивало для нее мир в самые радостные краски». Арнольда автор тоже изображает как юношу с уже сложившимся вне общественной борьбы мировоззрением, который выработал свои «новые принципы» в тиши ученых кабинетов и библиотек Лондона. Характерен его разговор при прощании со старым отцом Эльзы. Барр говорит Арнольду: «Я хорошо вас знаю, Арнольд; в вас живет как главная страсть вашего существа нечто от того духа общечеловечности, которым некогда обладали ваши языческие предки и который опять стал обнаруживаться вместе с новым мировоззрением». На это Арнольд отвечает: «Ибо это новое мировоззрение коренится в духе общечеловечности, оно есть сознание того, что человек распоряжается своей жизнью самостоятельно, хотя необходимые улучшения и условия общественной жизни могут быть созданы только сотрудничеством всех сил, и только объединенное таким образом человечество может предпринять борьбу против единственного, но могущественного врага — против природы».

Классово сознательными — конечно в интеллигентско-мелкобуржуазном и реформистском понимании Минны Каутской — рабочие становятся тоже не в классовой борьбе пролетариата, а через просвещение и науку. Георг, ученик философа Барра, получив-

ший в наследство его библиотеку, приходит к «новому» мировоззрению путем чтения и самообразования. Он совершенно не показан в процессе социальной борьбы, и когда рабочие соляных копей, услышав о конфискации их книг полицией, поднимают бунт, Георг больше всего озабочен тем, как бы они не расправились со шпиками и не вышли в своем возмущении из рамок законности. «Пропаганда» идеи — вот другой лозунг, который автор противопоставляет насилию. Арнольд — типичный для мелкобуржуазной идеологии образ. Когда граф Фалькенау пытается перетянуть его на службу помещицкой «рабочелюбивой» политики и предлагает ему отказаться от пропаганды самостоятельной рабочей организации, Арнольд отвечает: «Ваше превосходительство, вы требуете невозможного и даже несправедливого, ибо то, что должно свершиться, свершится без насильственной революции, без боя и кровопролития, единственно лишь благодаря пропаганде идей».

II

Сила романа Мины Каутской, повторяем, — в реалистическом изображении жизни и быта рабочих соляных копей и высших аристократических кругов немецкой Австрии. Нереалистичны, схематизированы и идеализированы носители «нового принципа». Арнольд и Эльза нежизненны: оба награждены всеми мыслимыми добродетелями и очарованиями красоты физической и душевной; это какие-то сказочно хорошие люди, и читатель относится к ним с некоторым скептическим восхищением, с трудом веря в реальную возможность их существования. Энгельс пишет в своем письме об Арнольде: «В самом деле он чересчур безупречен, и если он в конце концов погибает, унав с горы, то примирить это с поэтической справедливостью можно разве лишь тем, что он был слишком хорош для этого мира. Но всегда скверно, если автор влюблен в своего героя, и мне кажется, что в данном случае Вы отчасти поддались этой слабости. Эльза еще носит на себе черты личности, но в Арнольде личность вовсе растворяется в принципе».

Эти черты творчества Каутской вытекают из неясности, расплывчатости ее мелкобуржуазно-просветительского мировоззрения. Не стоя на последовательно марксистской точке зрения классовой борьбы, она больше ратовала за «прогресс науки» вообще, за «просвещение народа», за филантропию и жалость к нижшим классам населения. Весьма характерно для ее тогдашнего образа мыслей ответное ее письмо Энгельсу. Мы его приводим здесь в отрывках, представляющих интерес для нашей темы. Она пишет из Вены 10 мая 1886 г.:

«Дорогой г-н Энгельс!

Только сегодня собралась я выразить Вам свою благодарность за Ваше чудесное письмо. Немного поздно, неправда ли? Но знаете ли Вы, почему? Потому что, во-первых, я боялась слишком живого выражения моего собственного восхищения (видите, какими осторожными делаются женщины, когда они старятся) и, во-вторых, потому, что я хотела доставить Вам успокоительную уверенность в том, что не буду, как того всегда следует опасаться со стороны писательниц, бомбардировать Вас письмами.

Ваше письмо, проникнутое такой теплой сердечностью, в котором Вы так любовно разбираете мои работы, считая их достойными обстоятельной критики, было для меня самым приятным, самым содержательным и, поскольку оно написано таким человеком, как Вы, самым лестным из всех когда-либо полученных мною. Но именно потому, что оно было мне так дорого, я не хотела злоупотреблять своим счастьем. Я всюду тайно носила это ангельское письмо («Engelbrief»⁶) с собой, как вдруг однажды обнаружила, что не могу его сыскать. Я обшарила свою папку, карманы, ящики моего письменного стола — напрасно. Вы наверное посмеялись бы, если бы видели, как я себя чистила и залилась на свою неряшливость. Я уже хотела пожаловаться Вам на свое горе, но в то же время говорила сама себе: другого такого письма он тебе больше ни-

КАРЛ МАРКО С ДОЧЕРЬЮ ЖЕННИ

Фотография 1870 г.

Музей Маркса-Энгельса-Ленина, Москва

когда не напишет. Я была совершенно безутешна, пока в один прекрасный день не нашла его в моем собрании писем известных людей. Сейчас оно перевязано особой ленточкой, чтобы совсем по-аристократически отличаться от остальных. Только что я его перечла...

Во время моей болезни я много занималась Гегбелем — поэтом редкой силы и самобытности и подлинного потрясающего трагизма. Только сентиментальность и бессилие могут упрекать его в том, что грубая сторона природы — единственная область, где он царит полновластно, и что его проблемы безнравственны. Впрочем правильное чутье нравственного и безнравственного кажется давно уже утрачено руководящими кругами. Но истинным отдыхом и умственным освежением я обязана Вашей работе о Людвиге Фейербахе. Я прочла ее несколько раз, чтобы вполне усвоить все огромное множество изложенных и обоснованных в ней мыслей. Сколько зла причинил этот ложный идеализм, созданный столь выдающимися мыслителями! И я принадлежала к числу тех, которые одно время носились с ним, теперь же «вещь в себе» сделалась благодаря в эксперименту «вещью для нас» — это выражение пришлось мне очень по душе, — а Вы и Маркс дали толчок к приложению этого научного метода также и к общественному организму для изучения тех сил и законов, согласно которым он последовательно развивается, согласно которым должен развиваться.

Это — великое учение, и оно тем величественнее, что его основатели сами использовали его для ряда исследований и анализов и уже добились определенных результатов. Я конечно слишком мало понимаю, чтобы судить во всем объеме о том, что здесь подготавливается и свершается, но я во всяком случае отдаю себе отчет во всем значении этой научной теории общества...

В этом письме Минна Каутская сама вскрывает свое непонимание основ марксизма: Маркс и Энгельс, оказывается, дали только «толчок» к применению «научного» мировоззрения и в общественных науках! Не разбираясь в действительных движущих силах общественного развития, Каутская страстно борется за «новые» принципы посредством деклараций, схематической тенденциозности, чрезмерной и надоедливой, не вытекающей из развертывания самой ситуации и борьбы общественных сил; тенденция идеализирует носителей «нового принципа», она служит лишь абстрактной пропаганде, она

превращена в орудие борьбы идей против идей, оторванных от конкретной, осознанной автором классовой борьбы, и вращается вокруг противопоставления двух абстракций резко отрицательного и ярко положительного «принципов». Не случайно указание самой Минны Каутской на свою «учебу» у Геббеля и ее чрезвычайно высокая оценка творчества этого писателя. Ее изображение борьбы неисторических, абстрактных «двух принципов» в той или иной степени связано с Геббелем. Это был один из крупнейших представителей эпитонской гегелевской эстетики, которая противопоставляла свободу вообще необходимости вообще, рассматривая положение человека в истории и личности в обществе чисто абстрактно. «Старый» и «новый» принципы Каутской напоминают над-исторические категории Геббеля, одинаково охватывающие все периоды истории. И если Геббель сводит задачи трагедии к изображению «родовых мух борющегося за новую форму человечества», то у Каутской эту роль борьбы за «новую форму человечества» выполняет абстрактный «новый принцип».

Вот против такого-то понимания тенденции и партийности в литературе и выступает Энгельс — вежливо по форме, но убедительно по смыслу — в своем письме, когда он пишет: «Крити этого недостатка чувствуются впрочем в самом романе. Очевидно Вы испытывали потребность публично заявить о своих убеждениях, засвидетельствовать их перед всем миром. Это Вы уже сделали, это уже осталось позади, и в такой форме Вам нечего повторять об этом. Я ни в коем случае не противник тенденциозной поэзии, как таковой. Отец трагедии Эсхил и отец комедии Аристофан были оба ярко выраженными тенденциозными поэтами и точно так же Данте и Сервантес, а главное достоинство «Коварства и любви» Шиллера в том и состоит, что это первая немецкая политически-тенденциозная драма. Современные русские⁷ и норвежские писатели, которые пишут превосходные романы, сплошь тенденциозны. Но я думаю, что тенденция должна вытекать из положения и действия сама по себе, без особых на то указаний и что писатель не обязан навязывать читателю будущее историческое разрешение изображаемых им общественных конфликтов».

Это понимание тенденциозности и реализма Энгельсом — понимание, на котором мы подробнее остановимся ниже, — имеет непосредственно актуальное значение и для нашего времени. Не менее важно — особенно для современной революционной литературы в капиталистических странах — следующее место: «К тому же в наших условиях, — продолжает он в письме, — роман обращается преимущественно к читателю из буржуазных кругов, а поэтому и социалистический тенденциозный роман целиком выполняет, на мой взгляд, свое назначение, добросовестно описывая реальные взаимоотношения, разрушая условные иллюзии на их счет, расшатывая оптимизм буржуазного мира, вселяя сомнение в вечном господстве существующего порядка, хотя бы автор и не предлагал при этом никакого определенного решения и даже иной раз не становился явно на чью-нибудь сторону».

Письмо Энгельса к Минне Каутской выдержано в таком же духе, как и другие его письма на конкретные литературно-критические темы (письма к Лассалу, П. Эрясту и М. Гаркнес), т. е. он отмечает сперва положительные стороны работ автора, в той или иной степени участвующего в социал-демократическом рабочем движении, затем переходит к критике произведения и на ошибках его старается научить писателя, показать слабые его стороны, связывая их с неясностью его мировоззренческих и эстетических предпосылок.

Как же развивалось творчество Каутской после письма Энгельса? ⁸ В это время она не много смыслила в марксизме, о чем и говорит сама в своем ответном письме. В некоторых ее критических работах в «Neue Zeit» 80-х годов как будто проскальзывают кое-какие мысли Энгельса. Так она пишет в статье о норвежском писателе Алекс. Киланде: «Наши эстетики совершенно забывают, что гениальнейшие писатели всех времен были тенденциозными писателями, которые вовсе не интересовались неопределенными и фантастическими явлениями, но скорее взирали на общество открытыми, ясными глазами, признавали его несовершенство и задавали вопрос «почему» и «зачем». Они наносили смертельные удары старому и отжившему и, вооруженные сильной волей, сознательно борясь, выступали на защиту новых преобразующих идей».